

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

6 мая 2016

<http://www.globalaffairs.ru/number/Odin-put--mnogo-vozmozhnostei-18151>

Один путь – много возможностей

Фэн Шаолэй

Предпосылки и перспективы развития внешних стратегий Китая в новом веке

Фэн Шаолэй – декан Школы международных и региональных исследований, директор Центра исследований России Восточно-Китайского педагогического университета, Китай.

Резюме Стратегическая инициатива «Один пояс, один путь» выводит на качественно иной уровень китайское осмысление того, что означает сочетание внутренней и внешней политики. В ее основе – синтез и развитие подходов, десятилетиями определявших курс КНР.

Данная статья представляет собой сокращенную и переработанную версию записки, подготовленной по заказу Валдайского клуба в ноябре 2015 года. Полную версию со справочным аппаратом можно прочитать по адресу ru.valdaiclub.com

Стратегическая инициатива «Один пояс, один путь», предложенная председателем КНР Си Цзиньпином в Астане в сентябре 2013 г., – самое важное событие для внешней стратегии Китая в новом веке. И дело не только в масштабе этой идеи. Благодаря ее комплексному характеру она выводит китайское осмысление того, что означает сочетание внутренней и внешней политики, на качественно новый уровень. Однако эта инициатива возникла не на пустом месте. В ее основе – синтез и развитие подходов, на протяжении нескольких десятилетий определявших курс КНР.

Меняющийся мир начала века

За полвека внешнеполитические стратегии Китая претерпели существенные изменения. С начала 1960-х гг. и до окончания «культурной революции» (1966–1976 гг.) они были направлены на борьбу с ревизионизмом и гегемонизмом, ставили целью распространение идей мировой революции и, по сути, левого экстремизма. После 1976 г., особенно с началом политики реформ и открытости, Пекин отошел от прежних позиций, отдав предпочтение взвешенным подходам. Руководство страны приняло решение открыться миру, изучить опыт управления развитых стран, в том числе западных, стать частью мировой экономики, реформировать архаичные и излишне централизованные политические и экономические институты. Более чем 30-летний период реформ позволил Китаю достичь высоких темпов развития.

Рывок китайской экономики в начале нового века происходил в условиях резко меняющейся международной ситуации. Курс Пекина на мировой арене стал намного более активным, а центральное понятие теперь – соблюдение национальных интересов. Координация внутренней и внешней политики, изучение опыта других стран при учете собственной специфики – таковы основы сегодняшней стратегии Китая.

Финансовый кризис 2008 г. стал водоразделом мировой политики. С 1989–1991 гг. международные отношения строились в духе, заданном окончанием холодной войны. Развивающиеся и экс-социалистические государства осуществляли крупномасштабную политическую, экономическую и социальную трансформацию, по сути, стремясь копировать американский и европейский опыт. Китай и Россия – яркие примеры этого курса. Но в XXI веке проявилась новая тенденция – переходные страны стали делать упор на независимость в своих внутренних

процессах трансформации. Иными словами, внешний опыт применим настолько, насколько он не противоречит собственным традициям и интересам.

Глобальная экономическая система, во главе которой находятся Европа и Америка, оказалась не в состоянии предотвратить разрастание мирового финансового кризиса. Потрясения, вызванные серией революций в Евразии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, нынешний кризис с беженцами в Европе демонстрируют, что западные страны не могут контролировать и «послереволюционную» ситуацию, хотя до этого сами активно содействовали продвижению «революции». В результате международный ландшафт, в котором Запад триумфально лидировал и удерживал монопольное положение, начал подвергаться эрозии. Возникновение «большой двадцатки» (саммиты проводятся с осени 2008 г.) и развитие сотрудничества между странами БРИКС продемонстрировали растущее влияние развивающихся стран на мировую политику.

Процесс глобализации, достигший беспрецедентного прогресса к концу XX века, сейчас испытывает проблемы. Усугубляются противоречия, случаются проявления бойкота. Глобальные институты, как ВТО, работают достаточно вяло. Рост мировой торговли отстает от роста ВВП, что само по себе необычно, тем более на фоне бурного прогресса в торговой сфере за предшествовавшие 30 лет. С одной стороны, мы видим грандиозные успехи информационной революции. С другой – возник конфликт между традиционными моделями управления и влиянием информационных потоков, которые стирают не только государственные границы, но и границы законных прав и неприкосновенности частной жизни.

Колебания цен на товары массового потребления, ресурсы и энергоносители демонстрируют, что отношения между странами, экспортирующими и импортирующими товары и ресурсы, все ближе и теснее. Мировая экономика обрастает неразрывными связями, а в ее развитии наблюдаются глубокие структурные противоречия. Расслоение на богатых и бедных, ставшее следствием глобализации, становится причиной социальных потрясений.

Предпосылки для будущего долгосрочного роста сохраняются, однако восстановление развивающихся стран происходит не столь успешно, как хотелось бы, и это особенно бросается в глаза на фоне медленного, но стабильного выхода из кризиса промышленно развитых держав. Парадоксально, что в эпоху глобальной перестройки и диверсификации мир по-прежнему вынужден с волнением ждать, когда Федеральная резервная система США завершит политику количественного смягчения. Курс, проводимый Соединенными Штатами, оказывает огромное воздействие на всех. Обострение конкуренции на международном уровне, в частности, проявляется в ускоренном формировании организаций регионального сотрудничества, где лидерами выступают развитые страны Запада, фактически стремящиеся предопределить новое региональное деление мира.

Описанные выше тенденции оказывают существенное влияние на китайскую политику.

Во-первых, экономическое развитие Китая и его дипломатические стратегии тесно взаимосвязаны. После тридцати лет быстрого развития темпы роста экономики снижаются. Это отражает, с одной стороны, нормальные экономические циклы, с другой – процесс глубокой трансформации структуры китайского хозяйства. Несмотря на сложности, экономика КНР сохраняет солидную динамику. В первой половине 2015 г. темпы роста ВВП составили 7%. В абсолютных показателях это означает, что лишь за год он вырос на 700–800 млрд долларов, а это масштаб экономики целого государства среднего размера. Согласно прогнозам журнала *The Economist*, КНР сохранит темпы роста в 6–7% до 2025 года. На частные предприятия приходится около двух третей производства и 90% экспорта, их жизнеспособность определяет будущее китайской экономики. При таких темпах поставленная цель «всестороннего построения общества средней зажиточности» скорее всего действительно будет достигнута к 2020 г., тогда ВВП на душу населения вдвое превысит показатель 2010 г. и в четыре раза – 2000 года. К тому времени совокупный размер китайской экономики достигнет почти 17 трлн долларов, а уровень жизни значительно повысится.

Во-вторых, институциональная реформа является еще одной предпосылкой, оказывающей влияние на китайскую дипломатию.

Китай, как и другие переходные страны, прошел две фазы развития. В первую страна вошла в конце 1970-х гг. после «культурной революции», а бывшие республики Советского Союза пережили ее в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Это был процесс трансформации на основе либерального Вашингтонского консенсуса. Вторая фаза началась с наступлением нового века – коррекция либеральных подходов в соответствии с новой расстановкой сил. Подобные тенденции проявились в странах Евразии – Китае, России, Казахстане. Влияние государственных институтов повысилось, а намного большее внимание как во внешних, так и во внутренних делах стало придаваться национальной субъектности.

На новом этапе возрастает регулирующая роль государства в экономике, но в то же время намного важнее и

необходимость реформ. Рыночные функции экономики должны быть задействованы еще активнее (в особенности функции малых и средних предприятий), факторы роста в различных областях – мобилизованы, уровень политической культуры и демократического принятия решений – повышен, а формирование правовой системы – активизировано.

Новая фаза отличается от предыдущего этапа внутренней трансформации. Президент Казахстана после досрочных выборов серьезно готовится к масштабным реформам. Российские элиты обсуждают «кризис экономической политики», порожденный конфликтом с Украиной. Китайское национальное строительство под руководством Си Цзиньпина и Ли Кэцзяна укрепляется с достижением национального консенсуса. Подчеркивается, что необходимо обеспечивать ключевые национальные интересы и задействовать основные функции рынка, а также отходить от излишнего государственного вмешательства, оптимизируя администрирование и делегируя полномочия на более низкие уровни.

Однако расширение государственного регулирования с одновременным задействованием рыночных сил и общества – задача весьма сложная. Ради внутренних реформ необходимо поддерживать благоприятную международную ситуацию. Открытость не только западным, но и развивающимся и переходным странам будет способствовать продвижению внутренних системных реформ.

В китайской политической жизни возникают новые явления. Во-первых, с начала века в Китае сменили друг друга три политических лидера – Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао, Си Цзиньпин, чего не случалось еще ни разу за несколько тысяч лет политической истории. Во-вторых, в течение нескольких лет проводится антикоррупционная кампания, получившая поддержку большинства населения, и, хочется надеяться, она окажет большое влияние на укрепление китайской правовой системы и ее официального руководства. В-третьих, все описанные изменения сопровождаются расширением политического дискурса, характерного для эпохи Интернета, и проведением беспрецедентно откровенной дискуссии. Это новая политическая ситуация, отражающая выход в активную жизнь молодых людей, родившихся в 1980-х и 1990-х годах.

Рынки китайских товаров в основном являются внешними, а большая часть валютных запасов Китая хранится в США в форме государственных облигаций. Энергия и ресурсы, в которых КНР нуждается все сильнее, во многом зависят от импорта. Это заставляет Пекин принимать более открытые внешние стратегии и уделять больше внимания международной гармонии.

Китайская цивилизация насчитывает более пяти тысяч лет, страна обладает уникальной историей и богатым опытом. Тем не менее Китай отстает от Запада в области знаний и участия в общей мировой истории даже по сравнению с любой другой развивающейся страной. Эта особенность будет ограничивать внешние стратегии на протяжении еще довольно долгого времени.

Тенденции и перспективы внешних стратегий

В интервью газете *The Wall Street Journal* (в сентябре 2015 г. – Ред.) перед официальным визитом в США Си Цзиньпин отметил: «Система глобального управления была построена и используется всем миром совместно и не может контролироваться какой-либо отдельной страной. Китай никогда не думал и не будет думать об этом. Китай является участником, строителем и реформатором существующей международной системы». Однако Си Цзиньпин подчеркнул, что с учетом развития и изменений, происходящих в мире, все большего количества проблем «необходимо обязательно корректировать и реформировать систему глобального управления. Подобные реформы направлены не на уничтожение и перестройку существующей системы или установление новой, а на внедрение инноваций и усовершенствование».

Китай пользуется преимуществами международного сотрудничества, необходимыми для его собственного прогресса. Соответственно, он обязан вносить вклад в международное развитие. Создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) – конкретный шаг к достижению данной цели. По оценкам Всемирного банка и Азиатского банка развития, с 2010 по 2020 гг. дефицит финансирования на строительство объектов инфраструктуры в азиатском регионе составит 800 млрд долларов. Китай готов внести свой вклад. Однако АБИИ – лишь один аспект решения проблемы, но не панацея. Он должен сотрудничать с существующими международными финансовыми учреждениями и приветствовать участие США.

Китайское правительство неоднократно заявляло, что, по прогнозам, в следующие пять лет импорт товаров составит 10 трлн долларов, китайские инвестиции за рубежом превысят 500 млрд долларов, а число китайских туристов превысит 500 млн человек.

В критический момент 13-й пятилетки, когда стоит задача построения общества средней зажиточности, Китай намерен использовать возможности, которые возникают за счет прежде всего более открытых отношений. Это

обеспечит материальную основу для совершенствования глобального управления и международного порядка, включая реализацию целей развития ООН.

Реформы международного управления подразумевают некоторые корректировки в деятельности существующих международных институтов. Наиболее явным изменением после мирового финансового кризиса является смена фокуса глобальной макроэкономики с бывшей *G8* на *G20*. Китай уделяет особое внимание кооперации с промышленно развитыми и развивающимися странами, а также работе в рамках *G20* в целях обеспечения стабильной трансформации международной экономики. Китай является участником БРИКС и очень надеется способствовать преобразованию системы глобального управления посредством этой кооперационной платформы для развивающихся стран. Новый банк развития БРИКС открыт в Шанхае, его первым президентом стал индийский специалист, а вице-президентами – представители стран-участниц. Китай рассматривает Банк развития в качестве дополнения к международным финансовым учреждениям и будет стремиться создать более справедливую, прозрачную и эффективную систему.

Воспользовавшись выгодами от участия в ВТО, поддерживая международную финансовую систему, Китай стал крупнейшим инвестором и одной из стран с наибольшими золотовалютными резервами. И он будет твердо поддерживать развитие многосторонней торговой модели. На повестке дня – реформа механизмов использования прав голоса Всемирного банка и МВФ и переоценка корзины «специальных прав заимствования».

В сентябре 2015 г. китайский юань стал четвертой резервной валютой в мире (после доллара США, евро и фунта стерлингов) и оставил позади японскую иену. 8 октября 2015 г. запущена первая система международных платежей (*CIPS, Chinese International Payment System* — Китайская международная платежная система), учрежденная Народным банком КНР. Она заработала в Шанхае наряду с экспериментальной пилотной зоной свободной торговли. По существу, в этом проекте «глобального финансового шоссе» уже участвуют напрямую 19 известных китайских и иностранных банков, а косвенно – еще 176 крупных банков с пяти континентов. Это важная составляющая дальнейшей интернационализации китайского юаня.

Китай и региональное сотрудничество

В 1980–1990-е гг. отправными точками китайской внешней политики было по большей части стремление присоединиться к процессу региональной интеграции и продвижение развития КНР с опорой на экспортно ориентированную модель. Стратегия Китая по участию в региональном сотрудничестве была результатом изучения опыта других регионов, в том числе европейских стран, в комбинации с местной практикой.

КНР против напряжения, создаваемого некоторыми региональными организациями, в частности, НАТО. Китайское правительство когда-то положительно оценивало и активно поддерживало интеграцию в рамках Европейского союза, однако ряд тенденций последнего времени, например, роль ЕС в волнениях на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в продвижении «Восточного партнерства», вызывают озабоченность Пекина.

Наиболее важной региональной структурой является Шанхайская организация сотрудничества, основанная в 2001 г. совместно с Россией и странами Центральной Азии. С самого начала ШОС четко заявляла, что ее принципы не основаны на противостоянии какому-либо третьему субъекту. Прежде КНР никогда не выступала основателем региональных институтов. В течение многих лет Китай участвовал в существующих де-факто межрегиональных организациях многостороннего сотрудничества, например, АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество). В начале 1990-х гг. АТЭС, будучи важной международной платформой для устранения тарифных барьеров между странами и продвижения региональной торговли, содействовала реформированию и открытию Китая.

Пекин активно взаимодействовал с АСЕАН, региональной организацией с высочайшим уровнем сотрудничества в Азии, в форме «1 плюс 10» и позднее – «3 плюс 10». В течение десятилетий АТЭС была для Китая важным каналом участия в поддержании общего развития и стабильности в Азии. Существовала идея трехстороннего сотрудничества Китая, Японии и Южной Кореи, которую предлагал премьер-министр Японии Юкио Хатояма, она, в частности, предполагала превращение японской иены в «азиатский доллар». Но она долго не продержалась, прежде всего из-за противодействия Соединенных Штатов. После мирового финансового кризиса АСЕАН выступила с концепцией Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), которая получила полную поддержку КНР. Оно включает в себя 16 стран – АСЕАН плюс Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия и Сингапур.

В октябре 2015 г. переговоры о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) под руководством Вашингтона завершились соглашением, которое вызвало горячие дебаты в международных СМИ, а также среди китайских специалистов и широкой публики. Некоторые считают, что Китаю стоит вступить в ТТП, другие видят в нем пример американской политики сдерживания Пекина. Представитель Министерства торговли КНР выразил

твердое и непредвзятое отношение Китая, отметив следующее: «ТТП в настоящее время является одним из важнейших соглашений о свободе торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китай открыт для построения системы, соответствующей правилам ВТО и способствующей экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китай надеется, что ТТП и иные соглашения о свободе торговли будут продвигать друг друга, внося вклад в экономическое развитие АТР».

Между тем во всех дискуссиях по-прежнему отсутствует достаточная ясность. Идет ли речь о преобразовании ВРЭП в сторону более широкого торгового соглашения, которое в итоге будет включать ТТП, либо о выборе в пользу окончательного принятия или отклонения ТТП? Китай не вступает в соглашения, разрушающие структуру регионального сотрудничества.

Политика Китая в отношении соседних стран

Термин «соседи» не имеет в китайском понимании ничего общего с действиями великой державы в отношении малых периферийных стран. История, исчисляемая тысячелетиями, не только предоставила богатый опыт отношений с соседними странами, но и оставила некоторые проблемы. Сопредельные территории обеспечивают Китай широким потенциалом для развития. В то же время для Пекина критически важно наладить конструктивные отношения со всеми путем совместной работы. Китай играет особую роль в шестисторонних переговорах о Корейском полуострове. Он придерживается позиции безъядерного статуса полуострова и в то же время заявляет о необходимости поддерживать стабильность мирным путем.

Вопросы, связанные с Корейским полуостровом, всегда были очень деликатными и болезненными. Однако во время официального визита китайской делегации в КНДР по случаю празднования 70-летия Трудовой партии Кореи (в октябре 2015 г. – *Ред.*) Ким Чен Ын и Лю Юньшань, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, вместе появились на трибуне, видимо, демонстрируя, что ситуация движется к завершению шестисторонних переговоров. Правда, события зимы и весны 2016 г. показали, что проблема далека от разрешения и даже усугубляется, что заставило Пекин ужесточить подход, дабы продемонстрировать недопустимость провокационных действий и эскалации.

Что касается Южно-Китайского моря, то КНР обладает исторической и правовой основой, чтобы доказать, что острова Наньша относились к китайской территории с древних времен. Пекин намерен защищать свои ключевые интересы и урегулировать разногласия посредством переговоров со всеми заинтересованными сторонами. Китай возводил маяки на насыпных островах в целях защиты свободы навигации и обеспечения безопасности в Южно-Китайском море. Но недавно американский флот объявил о вхождении в прилегающую акваторию, что в 12-и морских милях от насыпного острова. А это значит, что, невзирая на многогранное сотрудничество, между Пекином и Вашингтоном существует еще немало сложностей.

Китай и Япония – близкие соседи, которых разделяет узкая полоса воды. Они поддерживали дружественные отношения в течение двух тысяч лет, и лишь короткий исторический период отмечен агрессией и войной. Но трения и разногласия не следует разрешать силой. Принятие по инициативе премьер-министра Японии Синдзо Абэ «закона о безопасности» вызвало недовольство оппозиции внутри страны и критику за ее пределами, в том числе в Китае. Китайско-японские отношения по-прежнему требуют усилий и постоянных импульсов, и основа для двустороннего сотрудничества есть.

Россия и страны Центральной Азии – ближайšie стратегические партнеры Китая. Москву и Пекин связывает общность интересов, тесное сотрудничество, скрепленное в ходе регулярных политических визитов на высшем уровне, взаимопонимание по всем, в том числе и по сложным вопросам. Китайско-российские отношения стали важной главой в истории взаимодействия великих держав. Для тесных двусторонних связей существует твердая основа, общие взгляды на проблемы глобальной и региональной политики, на развитие мирового сообщества, на вызовы, с которыми сталкивается международный механизм. Особенности в подходах к решению тех или иных проблем совсем не мешают развитию и укреплению китайско-российских контактов.

Манифест обеих стран в отношении согласования инициативы «Один пояс, один путь» и Евразийского экономического союза (в мае 2015 г. Владимир Путин и Си Цзиньпин приняли совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути». – *Ред.*) – символ сегодняшнего уровня китайско-российского сотрудничества.

Что касается формирования механизма обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, то когда-то предполагалось, что следует поучиться у ОБСЕ. Однако в силу отличия исторических условий АТР характеризуется достаточно разрозненной организацией. Механизм субрегионального сотрудничества АТР не построен по упрощенной схеме «безопасность зависит от Америки, а экономика – от Китая». Многие игроки, будь то Япония как отдельная страна или АСЕАН как субрегиональная организация, действуют на Азиатско-

Тихоокеанской арене, предоставляя различные возможности «гонки за рентой». Открытость АТР внешнему миру, включая наблюдаемые в последние годы возвращение США в Азию и Тихий океан и «азиатский курс» России, сулит будущему сотрудничеству в сфере безопасности самые разнообразные сценарии. Открытость Азиатско-Тихоокеанского региона, беспрецедентный уровень экономического развития и вклад в мировые процессы объективно привлекают повышенное внимание. Там никогда не было крупных геополитических потрясений или кардинальной смены режимов, как, например, в Европе после холодной войны. Такая особенность несомненно окажет сильное влияние на формирование будущего механизма регионального сотрудничества.

Стратегическая инициатива «Один пояс, один путь» привлекает огромное внимание и в стране, и за рубежом. Способность увязать ее с Евразийским экономическим союзом и другими организациями регионального сотрудничества – ключ к успешной реализации концепции.

Как говорили древние китайские мудрецы, «высшее мастерство подобно тому, как течет вода». Продвижение идеи «Один пояс, один путь» напоминает поток воды, стремящийся заполнить все свободное пространство. Она реализуется посредством конкретных проектов либо в рамках переговоров о свободе торговли, либо путем подписания двухсторонних или многосторонних соглашений. Противоречия между различными структурами или стратегиями регионального сотрудничества существуют всегда, и инициатива «Один пояс, один путь», ориентированная в первую очередь на соединение различных региональных систем, может помочь решению таких проблем. Это самая уникальная, инновационная и долгосрочная задача внешних стратегий Китая в новом веке.

Последнее обновление 30 ноября 00-1, 0:00

«Россия в глобальной политике» (с) 2002-2010